

**ПОСТКРИЗИСНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ПОТРЕБЛЕНИИ – ОКОНЧАНИЕ ИЛИ
ЗАТЯНУВШЕЕСЯ ВОССТАНОВЛЕНИЕ?
(Население и динамика потребительского
сектора в 2014-2018 гг.)**

https://doi.org/10.29003/m810.sp_ief_ras2019/40-53

Развитие основных элементов потребительского спроса в посткризисный период характеризуется низкими темпами восстановления, последовавшими за периодом резкого спада начала 2015 г. и по итогам 2015-2016 гг. в целом. Скачок инфляции, жесткие бюджетные ограничения государственных финансов, недостаточная индексация пенсий и социальных пособий и сдерживание предприятиями роста заработной платы вызвали существенное сокращение уровня оплаты труда, объемов социальных трансфертов и предпринимательских доходов в реальном выражении. Как следствие, реальные доходы населения в 2018 г. по сравнению с 2014 г. упали на 7,6%. За сокращением доходов населения последовало сжатие покупок товаров – объем оборота розничной торговли за тот же период снизился на 10,8%.

В рамках наметившейся в 2017-2018 гг. положительной динамики отскок потребления товаров составил лишь 4,1%. При этом в 2018 г. в динамике реальных доходов только начался переход от снижения к стагнации, темп прироста составил 1,1%.

Основными чертами кризиса доходов домохозяйств, оплаты труда, потребительских и сберегательных процессов стали следующие:

- сильное сокращение объемов реальных доходов населения по сравнению с докризисным 2013 г.;
- снижение фонда оплаты труда в реальном выражении, произошедшее в первые два года кризиса;
- относительно умеренное сокращение объемов социальных трансфертов, наиболее сильное – в 2014-2015 гг.;

- снижение объемов покупок товаров, причем в начальный год кризиса – максимальное за более чем двадцатилетний период;
- повышение нормы потребления, устойчиво сохранявшееся вплоть до 2019 г. из-за резко выросшего дефицита денежных доходов;
- сильно упавшая норма организованных сбережений при наложении жестких ограничений семейных бюджетов, появление признаков оживления ее уровня лишь к концу 2018 г.;
- постепенное, но уверенное укрепление процесса кредитных заимствований по ипотеке и потребительского типа, возобновившееся с 2017 г. из-за смены поведения населения и постепенному «привыканию к жизни в долг».

Динамика реальных доходов домохозяйств и последовавшее развитие негативных тенденций в потребительской сфере характеризовали кризис стандартов уровня жизни. Масштаб сжатия реальных доходов населения в 2015-2016 гг. стал настолько значимым (7,9%), что период явно выделяется среди нескольких подобных временных интервалов. В результате он ранжируется вторым за 25 лет (на первом месте – спад доходов в 1998-1999 гг. – 24,6%).

Итоговая структура спада доходов сложилась следующим образом. Наибольший вклад в сокращение реальных доходов внесли предпринимательские доходы, доходы от собственности, прочие денежные доходы в реальном выражении. На перечисленные виды доходов в 2014-2018 гг. пришлось -5,3 проц. п. спада доходов. В то же время падение объемов оплаты труда, гонораров полученных без «трудовых договоров» и сокращение объемов социальных трансфертов оказало менее жесткое влияние – их совокупный вклад составил лишь -2,3 проц. п. (таблица)¹.

¹ Для ряда последних лет в целях исследования динамики реальных доходов использованы показатели баланса денежных доходов и расходов населения за 2013-2018 гг. Данные балансы разработаны Росстатом по новой методологии 2014 г. с поправкой 2018 г. и публикуются с апреля 2019 г.

Более длинные ряды располагаемых доходов, нормы сбережений и нормы потребления за период 2006-2018 гг. получены с помощью метода корректировки объемов денежных доходов в методологии 1996 г. Поправки объемов показателей расходов и сбережений применялись для месячной сальдированной покупки наличной иностранной валюты в обменных пунктах с занесением новой статьи в расходы домохозяйств и добавлением в состав банковских сбережений месячной оценки прироста валютных вкладов с исключением влияния валютных курсов. Объемы обязательных платежей и взносов, приобретения недвижимости, прироста сбережений в рублевых банковских вкладах и приобретение ценных бумаг, изменение рублевых наличных денежных средств остались без корректировки. Итоговые показатели рассматривались как скорректированные денежные доходы, расходы и сбережения домохозяйств.

Вклады источников доходов в приросты реальных доходов домохозяйств, в сопоставимых ценах, %

	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Денежные доходы всего	-0,8	-3,6	-4,5	-0,7	1,1
Фонд оплаты труда	0,2	-4,9	-0,5	0,8	3,1
Фонд оплаты труда без договоров (гонорары, работники у физических лиц)	0,1	-0,8	-0,8	0,2	1,6
Социальные трансферты	-0,6	-0,7	-0,2	0,4	-0,1
Доходы от предпринимательской деятельности, из финансовых источников	-2,2	-0,8	0,2	-1,3	-0,3
Прочие денежные доходы	2,3	3,6	-3,2	-0,9	-3,1

Источники: официальные оценки Росстата, расчеты автора.

Первым значимым фактором сокращения фонда оплаты труда в реальном выражении в 2015-2016 гг. стала низкая индексация оплаты труда в социальной сфере. После чего, в 2017-2018 гг. была осуществлена масштабная индексация заработных плат работникам социальной сферы, подпадающих под действие президентских указов 2012 г., что отразилось в положительном вкладе оплаты труда в общую динамику доходов. Вторым фактором – сдерживание предприятиями негосударственного сектора роста фонда оплаты труда путем сохранения уровня рентабельности, эффективности и инвестиционных возможностей. В целом, частные предприятия, переложили последствия кризиса на работников.

Секторы потребления. Основными характеристиками спроса домохозяйств в 2015-2016 гг. стали как сжатие покупок продовольственных товаров, так и параллельное сокращение объемов потребления непродовольственных товаров.

В потреблении продуктов питания существенную роль сыграло снижение потребительских стандартов и значительное сокращение покупок относительно дорогостоящих продуктов питания (рис. 1). Процесс смещения стандартов в сторону бо-

лее дешевых продуктов также был связан с замещением импортной пищевой продукции российской для целого ряда привычных для среднего класса высококачественных мясопродуктов, рыбной продукции и сыров.

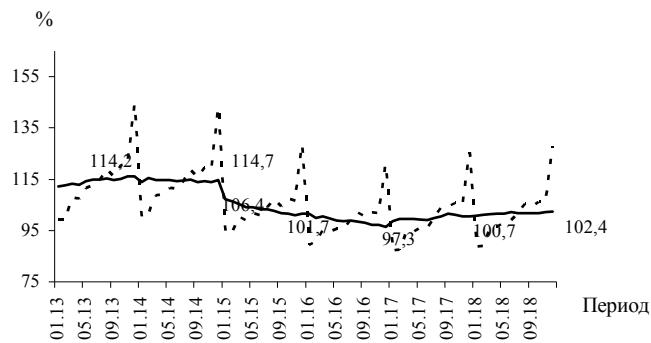

Рис. 1. Динамика потребления населением продовольственных товаров (в % к среднемесячному уровню 2017 г.):
 ----- фактически; — с исключенной сезонностью

Источники: официальные оценки Росстата, расчеты автора.

Глубина падения рынка продовольственных товаров в 2016 г. по сравнению с 2014 г. составила -11,0%, а критический «спуск» в уровне потребления произошел в первом квартале 2015 г. Причем дополнительным фактором сокращения покупок товаров на данном «интегрированном» рынке стал ускоренный рост цен на табачные изделия с последующим снижением покупок. Данный процесс был связан с целенаправленной политикой «экономического принуждения»: используя повышенные акцизы, государство добивалось снижения уровня потребления табака в России. Частично это же оказалось эффективным в отношении большинства видов алкогольных напитков.

В 2017-2018 гг. началось, хотя и малозаметное, восстановление объемов покупок продуктов питания, напитков, очевидно, не затронувшее пока повышение стандартов стоимостного потребления продуктов питания. За период 2017-2018 гг. отскок в объеме покупок продуктов питания по сравнению с 2016 г. приблизился лишь к четырехпроцентному уровню, составив 3,2% (см. рис. 1).

Два момента сыграли определяющую роль в динамике потребления непродовольственных товаров. Уже имея опыт прохождения кризисов прошлых лет, домохозяйства в конце 2014 г. вложились в дорогостоящие товары, розничная цена которых сильно коррелировала с валютной составляющей в структуре цены, создав ажиотажный спрос на многих субрынках.

Уже после того произошел шок потребления, связанный с реализованным рывком валютного курса, подскоком инфляции и определяемый резким спадом реальных доходов. Сокращение рынка непродовольственных товаров в 2015-2016 гг. оценивается в -14,9% (рис. 2).

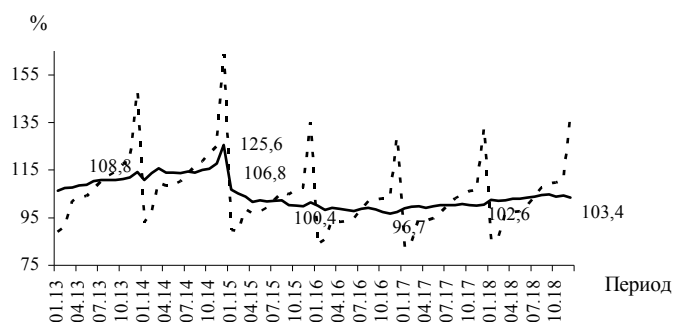

Рис. 2. Динамика потребления населением непродовольственных товаров (в % к среднемесячному уровню 2017 г.):
 ----- фактически; — с исключенной сезонностью

Источники: официальные оценки Росстата, расчеты автора.

Начиная со второй половины 2017 г., восстановление рынка непродовольственных товаров стало явным. По итогам 2017-2018 гг. прирост удовлетворенного спроса на непродовольственные товары составил 5,1%. Однако в конце 2018 г. спрос на товары данного сектора замедлился, что дает основания к снижению ожидаемой динамики в 2019 г. Об этом речь идет в аналитическом докладе ЦБ РФ [1].

Темп прироста покупок непродовольственных товаров в 2017-2018 гг. на 1,9 проц. п. опередил динамику покупок продуктов питания и был основным фактором существенного, хотя и не слишком быстрого, «разгона» динамики покупок товаров.

Согласно данным Европейской ассоциации бизнеса, рост числа купленных новых автомобилей и легких коммерческих автомобилей в 2017-2018 гг. составил 26,2%, что сократило разрыв с масштабами докризисного автомобильного рынка России. По имеющимся оценкам, до 40% купленных в России новых легковых автомобилей в годовом измерении были приобретены с помощью автокредитов и льготных программ от автопроизводителей. Вместе с тем в 2019 г. ожидается сохранение умеренного спроса на автомобили, а восстановление авторынka к уровню 2013-2014 гг. продолжится, но более равномерными темпами, в пределах 3-4% в год.

В секторе услуг потребление снизилось на 0,3%, что стало нехарактерным явлением, поскольку до этого эластичность спроса на услуги от денежных доходов была высокой². При этом за два кризисных года оно было минимальным среди крупных отечественных потребительских секторов.

На рынке платных услуг эластичность потребления от доходов оказалась самой низкой, а приоритеты потребления оказались смещенными в сторону поддержания объемов потребления медицинских, образовательных услуг, услуг санаториев, туристических и физкультурно-оздоровительных услуг. Обязательными, практически отражая нулевую эластичность от доходов, оказались услуги ЖКХ, услуги связи и коммуникационные услуги, услуги городского пассажирского транспорта.

Восстановление объемов потребления услуг, как и остальных рынков, пришлось на 2017-2018 гг.: прирост в 2,7% стал хорошим результатом. Заметим, что за этими объемами потребления услуг также стоят расходы иностранных и российских болельщиков, посетивших спортивные и привязанные к спортивным событиям чемпионата мира по футболу 2018 г.

Сберегательные процессы: особенности в поведении и кредитование. Сбережения населения в форме рублевых банковских вкладов, приобретений акций, облигаций и подобных им ценных бумаг, а также валютизация части свободных руб-

---

² В предыдущий кризис потребления 2009 г. падение в секторе платных услуг составило 4,2% при том, что скорректированные реальные располагаемые денежные доходы не упали, а немного, на 0,9% повысились. Тем самым произошла инверсия эластичности по отношению к услугам, они чуть ли не в первую очередь стали целью структуризации потребительских расходов, но продолжалось это только один год.

левых средств сыграли важную, но вторичную по сравнению с потреблением роль в предпочтениях населения России.

Имея опыт двух десятилетий в поведении на сберегательном рынке, население выбирало доходность, надежность и ликвидность при размещении своих активов. Надежность и ликвидность размещенных средств больше привлекала консервативных вкладчиков. Склонность к риску при вложениях в ценные бумаги, повышенная доходность – менее консервативных, вложения в валюту – также рискованных владельцев активов, но имеющих опыт операций с активами такого типа. Важно отметить, что малый объем вложений, но с повышенным уровнем ожидаемого дохода, был характерен для домохозяйств с невысоким уровнем денежных доходов.

Для части населения мотивация к сбережению средств «на страховой случай» имела инерционный характер. Определенную роль сыграло развитие банковских услуг – использование безналичных платежей приобрело широкий масштаб, вместе с тем расширив, прежде всего в региональном разрезе, базу источников финансирования банковской системы. Данные процессы в сберегательной сфере в проблемном подходе отражены в публикациях [1; 2].

Сроки размещения населением средств тяготели к краткосрочным и среднесрочным, долгосрочные депозиты заняли небольшую долю в размещенных средствах (на 1.01.2014 г. – 14%, на 1.01.2019 г. – 20%). Рублевые депозиты оставались наиболее массовыми, и в составе сбережений их доля на начало 2019 г. составила 75-77%. Основные объемы вкладов размещались в крупных банках, на них пришлось до 70% объема вкладов. В то же время поведение домохозяйств варьировалось в поисках более доходных инструментов и потребность в таких инструментах остается по настоящее время.

К типичным инструментам относились вложения в акции и ценные бумаги, имевшие в отдельные периоды высокую доходность, превышавшую на 5-7 проц. п. доходность вкладов. Хотя известно, что данные виды сбережений более подходили для квалифицированных «инвесторов». В 2015-2016 гг. темпы прироста вложений населения в акции и ценные бумаги составили 21-34% при значительном восстановительном росте рос-

сийского фондового рынка³. Однако затем произошло значимое понижение доходности таких вложений, была ослаблена мотивация их покупки и за двухлетку 2017-2018 гг. они выросли лишь на 18%. В последнее полугодие 2018 г., в связи со стагнацией российского фондового рынка, прирост средств домохозяйств, вложенных в ценные бумаги, практически прекратился.

В поисках повышенной по сравнению с доходностью банковских депозитов «прибыльности» активов население в некоторые периоды переводило свои активы в валютные, покупая наличную валюту и пополняя валютные вклады. В целом на норму сбережения в организованные сбережения замещение рублевых вкладов валютными не повлияли. Тем не менее, накопление наличной валюты либо «под подушкой», либо в банковских ячейках изъяло у части домохозяйств не потраченные на покрытие потребительского спроса средства, уменьшило депозитную базу банков.

Мотивации к валютизации активов выросли в период подскока девальвационных ожиданий⁴ и снижались в периоды многомесячного укрепления валютного курса рубля (рис. 3). Одновременно, повышению доли валютных сбережений в активах населения способствовали периоды экономической неопределенности во внешнеэкономической сфере, введение экономических санкций против России.

Существенный объем потребления домохозяйствами импортных рекреационных услуг и значительное число поездок делового и личного характера за границу с соответствующими расходами – еще один дополнительный фактор вложений в валюту, хотя сберегательным такое поведение вряд ли можно считать. Подобные вложения в наличную валюту и пополнение валютных вкладов, прежде всего расчетных счетов – типично сезонный фактор в отношении с трендами сберегательных процессов.

---

³ Источник – Росстат, счет активов населения, размещенных во вкладах, ценных бумагах
⁴ Так, III кв. 2014 г. – I кв. 2015 г., III кв. 2015 г., I кв. 2016 г., III кв. 2017 г. – характеризуются высокой расчетной доходностью валютизации рублевых средств, II кв. 2015, 2016 и 2017 г. – низкой доходностью вложений в валюту и соответствуют периодам укрепления рубля. Доходность в расчете на год оценивалась как темп прироста активов в наличной валюте при фактической динамике курса рубля и ее опережение по сравнению с вложением в рублевые депозиты по средней депозитной ставке. Вложения в валютные вклады могли дать еще большую доходность в зависимости от существовавших рыночных ставок того периода.

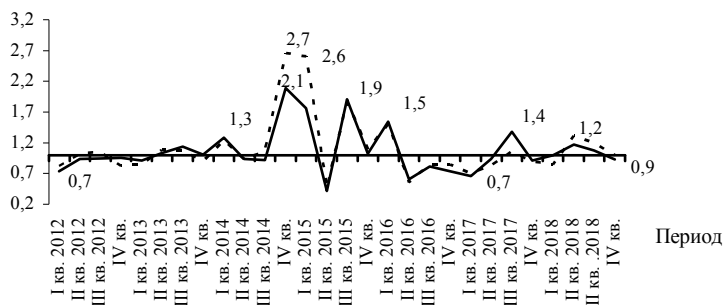

Рис. 3. Доходность операций населения от вложений в наличную валюту относительно депозитной рублевой ставки
 ---- руб./долл.; — руб./евро

Источники: официальные оценки Росстата, ЦБ РФ, расчеты автора.

В условиях падения денежных доходов населения России спрос на автомобили, покупки предметов гардероба, бытовой техники, электроники, мобильных телефонов, компьютеров трансформировался в отложенный. Источниками частичного покрытия спроса на товары длительного пользования могли быть запас накопленных сбережений и имевшиеся накопления в форме наличной иностранной валюты. Однако даже при использовании части накопленных сбережений и наличной иностранной валюты оставалась неудовлетворенной часть спроса на непродовольственные товары. Для приобретения недвижимости, при значительном снижении числа покупаемого жилья, также требовалось иметь финансовые ресурсы.

Уровня доходов, имевшихся запасов сбережений стало недостаточно для его реализации и население не стало ожидать оживления динамики доходов с тем, чтобы начать восстанавливать уровень потребления. В силу этих причин сразу после относительной инфляционной стабилизации второй половины 2015 г. и начавшейся в 2017 г. стабилизации денежных доходов произошел переход к тому, что обычно называется «жизнь в кредит» – банковское кредитование физических лиц резко ускорилось по направлениям как ипотечного, так и потребительского

кредитования. Подводные камни кредитования и основные тренды на рынке для физических лиц обсуждаются в [3-5].

Уровень потребления – в процессе восстановления, норма потребления остается повышенной, «подавляя» норму сбережения.

Высокая доля потребительских расходов в располагаемых доходах создавала головную боль для менеджеров банков – можно ли было или все же нельзя оттянуть часть денег домохозяйств с потребительского рынка в банковскую систему, на депозиты, путем повышения такой мотивации (рис. 4). В случае фронтального роста реальных доходов в 2011-2013 гг. именно таким путем банками забирались из сектора домохозяйств относительно дешевые деньги. Низкая норма к сбережению все еще остается далекой от уровней середины нулевых годов и в значительной мере такое положение в сфере сбережений стало устойчивым, растянувшимся на несколько лет.

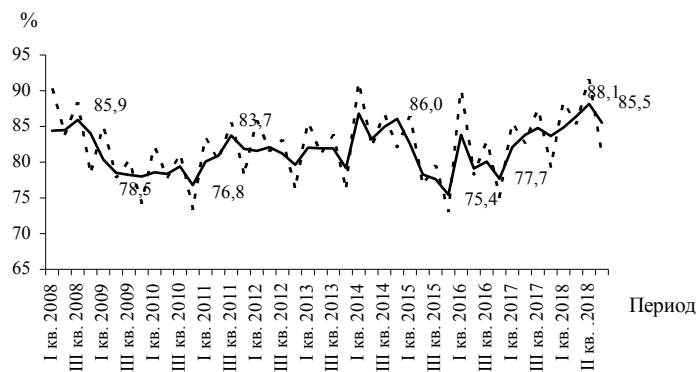

Рис. 4. Норма потребления к располагаемым доходам населения:
 ---- фактически; — с исключенной сезонностью

Источники: официальные оценки Росстата, ЦБ РФ, расчеты автора.

Структура видов потребления претерпевала некоторые изменения и была подвержена влиятельному фактору сезонности. Однако норма потребления продуктов питания была не слишком волатильной. Отдельные всплески происходили: в I кв. 2015 г. до 31,7%, в I кв. 2016 г. до 32,8% (максимальное значение за одиннадцать лет). При этом объем доходов, свя-

занный с относительно малыми заработками населения в начале каждого года был существенно пониженным, а расходы выросли в связи с подскоком инфляции. В III кв. 2018 г. произошла отдельная история в потреблении продуктов питания, напитков. Проведение соревнований футбольного чемпионата мира повлияло на нехарактерный скачок нормы потребления до 31,9%. В остальные периоды норма потребления продуктов питания была чуть ниже 30,0% располагаемых доходов.

Норма потребления непродовольственных товаров значительно сократилась в 2015 г. – первой половине 2016 г и сыграла основную роль в общем снижении нормы потребления до уровня 78,5-80% в среднегодовом измерении и при сглаживании объемов расходов и доходов. Позднее начался рост покупок непродовольственных товаров на основе стабилизации уровня доходов и с поддержкой потребительского кредитования, норма потребления по данной группе товаров вышла на уровень 32-33,5% доходов (рис. 5).

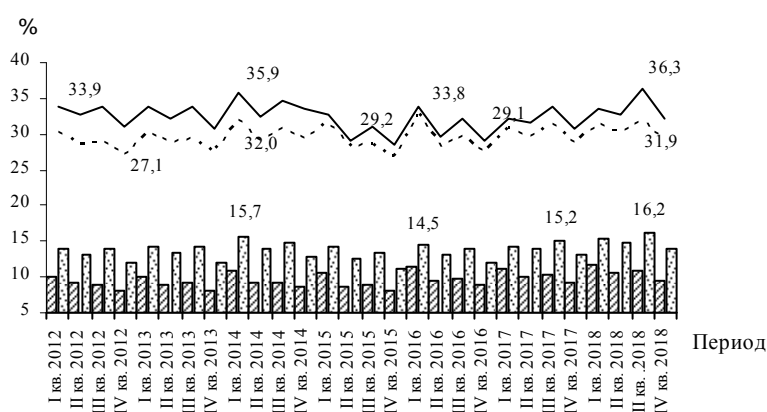

Рис. 5. Доля различных видов потребления в располагаемых доходах домохозяйств:
 ----- пищевые продукты; — непродовольственные товары;
 расходу на ЖКХ, транспорт, образование;
 расходы на кафе и прочие услуги

Источники: официальные оценки Росстата, расчеты автора⁵.

⁵Объемы услуг в целях анализа разделены на «обязательные затраты» на обеспечение жизнедеятельности, наименее эластичные по отношению к изменению доходов и «добровольные затраты» – остальные виды потребления услуг плюс расходы на питание в кафе, ресторанах, наиболее эластичные к изменению доходов.

Норма по «обязательным затратам» на услуги оставалась примерно в одном диапазоне, ни заметного падения, ни ускорения потребления по ним не наблюдалось.

Норма по «добровольным затратам» пока не показала существенного прироста. Виды расходов, определяющие данную норму, связаны со значительным переключением на повышенные объемы потребления по мере роста располагаемых доходов. Поскольку существенного восстановления уровня доходов не произошло, остается верным утверждение о слабом переключении спроса домохозяйств на данные виды потребления. При этом, очевидно, произойти оно могло за счет собственных средств домашних хозяйств, практически без привлечения заемных средств⁶. Как промежуточный итог, в 2018 г. по сравнению с 2016-2017 гг. норма «добровольных затрат» в доходах в поквартальном разрезе показала прирост 0,8-1,2%.

Из анализа отдельных норм потребления следует, что локомотивами роста всего потребления являются рынки непродовольственных товаров и «добровольных услуг». Рынки продуктов питания и «обязательных затрат» играют второстепенную роль.

Норма сбережения⁷. В период кризиса и даже до него домохозяйства не только снижали норму сбережения, они предпочитали закупать товары и наличную иностранную валюту⁸, причем настолько интенсивно, что были зарезервированы почти все банковские ячейки для хранения в них сумм наличной валюты. Этой характеристикой и продолжительностью времени перехода к сберегательной активности кризисные процессы разнились с кризисом 2008-2009 гг.

При низком уровне доходов и отсутствии возможностей кредитования (в период 2015 г. – первая половина 2016 г. банки переставали выдавать кредиты рискованным заемщикам, повысили

---

⁶ Лишь в секторе услуг на платную медицину, рекреационных поездок, ремонта построек и строений из состава бытовых услуг допускаем использование населением заемных средств.

⁷ Норма рассчитана поквартально для организованных сбережений, включающих прирост рублевых депозитов, вложений в акции и ценные бумаги, прирост валютных депозитов с исключением курсовой переоценки. Располагаемые доходы – скорректированные располагаемые доходы на периоде 2006-2018 гг. (см. сноску 6).

⁸ III кв. 2014 г. – I кв. 2015 г.

требованию к рассматриваемым запросам) норма сбережений населения выросла до уровня 9-11% (при снятой сезонности).

Однако, начиная со второй половины 2016 г., по мере перехода к стабилизации реальных денежных доходов, постепенного снижения кредитных ставок и смягчения требований банков к заемщикам происходило постепенное и устойчивое снижение нормы сбережения до 3-4% (при снятой сезонности, рис. 6), на этом уровне она и находилась в течение 2018 г. Лишь в последнем квартале 2018 г. наметился разворот к ее повышению, в то же время об устойчивости данного тренда речь пока не идет.

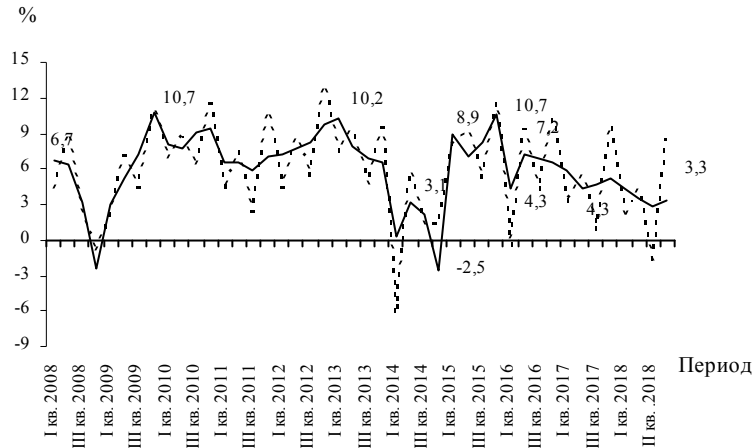

Рис. 6. Норма сбережения к располагаемому доходу населения:
 ----- фактически; — с исключенной сезонностью

Источники: официальные оценки Росстата, ЦБ РФ, расчеты автора.

Общие выводы состоят в следующем. Слабая положительная динамика в ближайшие год-два в потреблении продолжится. Вместе с тем, доходы и потребление домохозяйств не восстановятся, пока не будет перехода к ускоренному росту экономики России. Лишь при условии 2,5-3,0% ежегодного роста внутреннего валового продукта и динамики реальной оплаты труда в пределах 3,5-4,0% можно оценивать расширение потребления в пределах 3,0%.

Литература и информационные источники

1. *О чем говорят тренды. Макроэкономика и рынки. Департамент исследований и прогнозирования // Макроэкономический бюлл. ЦБ РФ, 2019 февраль.*
2. *Симановский А.Ю., Морозов А.Г., Синяков А.А., Поршаков А.С., Помельникова М.И., Ушакова Ю.В., Маркелов В.С., Бездудный М.А. Итоги десятилетия 2008-2017 годов в российском банковском секторе: тенденции и факторы // Макроэкономический бюлл. ЦБ РФ. 2018 июнь. № 31.*
3. *Пономаренко А.А., Рожкова А.М., Селезнев С.М. Макрофинансовые взаимосвязи: роль зависимости от долгового финансирования // Макроэкономический бюлл. ЦБ РФ. 2017 октябрь. № 24.*
4. *Синяков А.А., Ушакова Ю.В. Опыт двух кредитных бумов в России и текущий рост ипотеки: почему важно вовремя остановиться // Макроэкономический бюлл. ЦБ РФ. 2018 г. декабрь.*
5. *Дерюгина Е.Б., Коваленко О.В., Пантина И.В., Пономаренко А.А. Идентификация факторов спроса и предложения кредитов в России // Макроэкономический бюлл. ЦБ РФ. 2015 март. № 3.*
6. *Поляков И.В. Сбережение или потребление – «развилка» прежняя // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 36-47.*